

Людмила Худякова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Для семейного чтения

Людмила Худякова

Память сердца. Для семейного чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65318152

ISBN 9785005379955

Аннотация

В книгу вошли вышедшая отдельной книгой семейная повесть «Память» о 20—30-х годах XX века на Урале, воспоминания о Великой Отечественной войне, в которых, как в призме, отражается жизнь страны. Тему подвига, героизма и великой любви продолжают поэмы о войне 1812 года, ранее опубликованная в одном из сборников «Баллада о бородинском хлебе» и «Лев русской армии», а также стихи. Глава «Говорят дети», несомненно, вызовет улыбку у читателя. Книга интересна всем неравнодушным к истории страны людям.

Содержание

Память	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Память сердца Для семейного чтения

Людмила Худякова

© Людмила Худякова, 2021

ISBN 978-5-0053-7995-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память сердца

Память

Пожар вмиг охватил завалинку, стену спальни и запылал с испепеляющей силой. Вскоре в блеске огня был виден весь ночной деревенский проулок. Блики огня засверкали на окнах соседнего дома, где жили Дарья и Лаврентий Ерыкаловы. Они выглянули в окно и вскоре с вёдрами выскочил Лаврентий с сыном Петром, к ним присоединились Степан с сыновьями, встали в шеренгу, набирали воду в соседнем колодце, передавали по цепочке ведро с водой, но пожар всё усиливался.

С подойником прибежала Агафья, жена Степана, а Дарья с иконой, читая молитвы, стала ходить вокруг своего дома. С вёдрами прибежали жители соседних домов, образовали вторую шеренгу, но пожар, смеясь над ними, перекинулся на амбар, за которым находилось хозяйство Ерыкаловых. С иконой прибежал дьяк, но вскоре поставил икону к дереву и тоже включился в работу: стал лопатой набирать землю и кидать на горящие брёвна, одновременно читая молитву. Тёмной ночью в освещённой пожаром деревне Большая Грязнуха царствовали пляшущие языки огня, вырисовывая напряжённые потные лица.

Из сарая выпустили кур с петухом и козу. Куры кудахтали, петух кукарекал, огонь трещал, коза блеяла, бабы кричали, что в доме Любка.

– Пьяная опять, верно, если не выскочила.

– Ясно, пьяная. Вечёр, когда ставнями окна закрывала, слыхала голоса, гармонь играла, песню «Сударушку» мужик пел, – частила Агафья.

Окно кухни затрещало, запылало, и из него выпал Семён, очередной хахаль Любки из соседнего села; от него разило дымом и самогоном, лицо и руки обожжены, рубаха в подпалинах. Женщины облили его водой, стали оказывать помощь. Упала кровля, Любка так и не вышла. Пожар потушили, когда и тушить-то было нечего. Любку не спасли. Труп нашли в сенях под ещё тлевшей балкой.

Но ещё долго у сгоревшей избы толпился народ: одни уходили: ждала утренняя работа после бессонной ночи, другие приходили, услышав о трагедии; отгоняли ребятишек, которые норовили оказаться в первых рядах. Весть о пожаре разнеслась по всем 570 дворам села Карпухинского. В тот же день приехал участковый уполномоченный, следователь и человек в форме пожарного инспектора. Весь день они искали свидетелей преступления, посетили все близлежащие дома, но никто ничего не знал.

Павле Шишиной о пожаре рассказала золовка Надежда, когда они провожали утром коров с пастухом.

– Уснула с Яковом, проснулась с ним, – рассудила Паша. Бог милует. Усвоил обещание, данное деду Михаилу: держаться в стороне от дома Любки.

Пришёл как-то свёкор Михаил Иванович, когда Паша

со слезами на глазах трёхмесячную Зою кормила.

Не сразу выговорила, но дед уже знал от дочери Надьки, что сын-гуляка ночи проводит с Любкой и её пьяной компанией, а у Паши молоко грудное пополам с горючими слезами.

— Не реви, — буркнул, взглядываясь в лицо малютки. На Якова как похожа. Глаза карие, тёмные волосики, сосёт, жадно приложившись к груди матери, а губёшки тоже аккуратные, вся в батьку. А тот не в меня, в жену.

У Михаила, что не год, жена Мария рожала детей, двенадцать их было, но в живых к этому времени осталось пятеро. Кто на войне сгинул, кто от болезни, Потапа смерть достала, когда в зелёных был, Афанасий вернулся после госпиталя больным. Все дети, кроме Якова, в него, крепкие, среднего роста, ширококостные. Яков же в мать чернявый, худощавый, ниже братьев. Любил пофорсить, одеться во всё новое и чистое, прогуляться с парнями по селу, хотя и учёнее был, и книг много прочёл, в Петрограде закончил курсы парикмахеров. Женился на красавице Марье из кулацкой семьи Романовых, в 1915 году дочь Лиза родилась.

В село наведывались то красные, то белые. Мужики от греха подальше в лес ушли, «зелёными» себя называли. Белые, красные и зелёные требовали продовольствия, всем скрепя зубы угождать приходилось: попробуй не дай. Но была у Михаила дальняя землянка, прикрытая хворостом, чтобы после этих набегов и семью прокормить мог. Деверь место подсказал, лесником в тех местах был. С сыновьями

по ночам этот земляной амбар строили и – никому, даже жёнам (у баб язык длинный) не говорили, там деньги и золото, сохранённое после четырёх раскулачиваний, хранил, но даже и сыновьям не говорил о том, где их спрятал. Набеги на село продолжались с 18 по 22 год.

О приближении белых и красных сообщали жители села Клевакинского, где не одну бабу изнасиловали, а ту, которая вилами честь себя и мужа защищала, повесили после надругательства. Девочек и молодых баб в селе Карпушинском прятали в подполье. Однажды в доме Романовых, где в то время жили Мария с Лизой, несколько дней стояли белые, потом их вытеснили красные. Несколько недель Мария, молодая жена Якова, пряталась в подполье. Когда безопасно стало, вылезла оттуда голодная, промёрзшая и совсем больная, возили к фельдшеру. Тиф. Дни были сочтены. Яков вернулся весной 21 года, а летом схоронил свою лебёдушку. После смерти Марии решил, что надо жизнь продолжать по-новому.

Забрав с собой шестилетнюю Лизу, поехал в Петроград, решив устроиться там парикмахером и дочь воспитывать. Приехал и не узнал город. Это был неудачный период для города, расположенного удалённо от сельскохозяйственных районов. Разруха на путях сообщения привела к перебоям со снабжением. В парках, в скверах, на улицах выращивали картофель. Заводы остановились, трамваи не ходили, не работали водопровод и канализация, для отопления разбирали доски тротуаров и даже деревянные дома. У магазинов вы-

страивались очереди, была введена карточная система. Из-за голода жители, оставляя дома и квартиры, уезжали в сельские местности. К 1921-му году город опустел, в нем жили 722 тысячи человек – в 3 раза меньше, чем накануне революции. После жестокого подавления мартовского восстания моряков в Кронштадте прокатилась волна арестов. Ненадолго задержался здесь Яков, вернулся к отцу, своего дома после раскулачивания Романовых не было, поэтому поселился у Михаила.

Но не дело молодому одному век коротать, тогда и сошёлся с Любкой к недовольству своей семьи.

Однажды в вербное воскресенье Михаил Иванович после посещения церкви решил поговорить с сыном о жизни. Во дворе встретил простоволосую, хотя прохладно ещё было, Лизоньку, погладил по голове, протянул пряник. Она взглянула на деда карими Яшкиными глазками, взяла гостинец немытыми ручонками, вгрызлась в него зубами. Вошёл в избу и сразу огорошил сына вопросом:

– Чего не женишься? Полгода прошло после смерти Марии. Лизке мать нужна, а то она всё к Романовым бегаёт. Ей семья нужна, а не отец-кобель.

– Так на ком? Молодухи да вдовы с детьми.

– Ты уже нашёл одну такую молодуху.

– Не твоё, отец, дело. После войны имею право на личное. Не учи жить.

– А Лиза как? О ребёнке подумай. Мать ей нужна.

Михаил не просто так завёл разговор. Была у него на примете Павла Дьячкова. Старше Якова, правда, да кто годы считать будет, и ростом повыше, но ведь с сантиметром никто за ними бегать не будет. А из богатой семьи, тоже неоднократно раскулаченной к этому времени. Самый большой дом в селе был у Павлы Артемьевны, земли много, скотный двор, лошади. Семьи что Павлы, что мужа её погибшего Ивана пользовались в селе уважением за трудолюбие, хозяйственность и доброту.

Павла в девках в селе первой красавицей была, скромная и образованная, муж Иван, лет на 8 старше её, был командиром белогвардейского отряда, худощавый, с большими серыми глазами, по характеру взрывной, храбрый, весёлый. На войне побывал, оттуда белым и вернулся. Погиб в 19. Крепко рыдала на похоронах, когда привезли, беда не ходит одна. Вскоре и маленький сын утонул, когда коров доила, хозяйство было большим, сама всё тянула, батраков нанимать запретила Власть Советов. Пусть и голодные, и полуодетые, но свободные, не батраки.

За мелким Васюткой соседские дети приглядывали. Вроде и речка Большая Грязнуха (так и село все местные называли) неглубока, но трёхгодовалому воды захлебнуться хватило. Осталась у Паши старшая дочь Наталья, большеглазая, кудрявая, очень тоненькая четырнадцатилетняя девчушка. Михаил знал, что воспитана Наталья так, как каждой бы девушке следовало: ответственная, образованная, скромная,

по хозяйству помогает, по селу по ночам с парнями и девками не шастает. Помощница в хозяйстве будет, потом и замуж выдадим, и никаких «довесков» от Ивана. Павла – строгая, взрослая женщина и, по словам её родственника церковнослужителя, с которым только что ней разговаривал, религиозная; о Лизе позаботятся и воспитают достойно. Обо всём этом он и поговорит с Яковом, но не теперь, а, обдумав всё, после, и с бутылкой самогонки на Пасху. Думал старый, что если женит сына после смерти первой жены-красавицы, то и пить бросит Яшка, ведь не пил раньше.

Не стал Михаил тянуть быка за рога и разговор затеял, как и предполагал, в пасху. Яков противиться не стал. Он десятилетним парнишкой был, когда Иван с Пашей вышли из церкви. Она, красивая, высокая, была в белом платье, фате, с цветами в руках. Их обсыпали хлебным зерном, а потом и деньги кидали, он тоже схватил монетку. Потом на нескольких экипажах поехали кататься. Дети бежали следом. Свадьба была что надо. Павла и после похорон Ивана сохранила привлекательность, а сейчас Яша решил, что отец прав, и вскоре произошёл сговор. Но ещё до этого о предполагаемом сватовстве сообщила будущей невесте Таисия, жена Ивана, старшего брата Якова, получившая задание от мужа узнать, как Паша воспримет этот мезальянс.

Разговор с Тосей всколыхнул душу Павлы, для неё это была новая жизнь, полученная на четвёртом десятке. Проводив подругу, решила сходить в Спасо-Преображенскую церковь,

построенную в 1907 году на радость всем сельчанам Карпухинского и Травянского приходов. Строили на радость, а сколько боли впитала в себя эта церковь. В 1917 в стране произошла революция. Не приняло Карпухинское и рядом находящееся село Травянское новую власть.

Спустя полгода в Травянском вспыхнуло восстание: местные жители арестовали председателя-большевика, членов совета и нескольких сельских коммунистов. Помогали им мужчины Большой Грязнухи, среди них был и Иван Дьячков. В Травянку приехал глава рабочей дружины Василий Головин с отрядом бойцов. Восстание было подавлено.

Иван вместе с мятежниками ушёл в лес. Сначала там и жили, изредка навещался по ночам домой, зацеловывал всю, обещал вернуться; она плакала, крестила его и не говорила даже родным о его приходах. Весной группа присоединилась к белогвардейскому отряду, который погнал летом того же года через Большую Грязнуху бойцов 1-го Крестьянского коммунистического полка из Катайска. В июле побывал дома, но недолго, напоследок Паша дала мамину иконку-заступницу, но не защитила она его от земной беды. В 1919 похоронила и отпевала в этой церкви своего любимого и буд-то сама умерла, ссутулилась, постарела, волосы седые появились, глаза перестали улыбаться, скорбные морщинки появились у красивых губ.

Но не только личные беды принимала в себя эта церковь. 1918 года в урочище Половинном был убит священ-

ник Александр Попов и еще восемь жителей Травянского, их отпевало духовенство Спасо-Преображенской церкви, скоро и эти служители культа погибли. В 1919 году прибыл Иван Пьянков, новый священник. А через год его арестовали и осудили на три года лагерей.

Павла постояла у икон, помолилась за живых, поставила свечи погибшим и умершим. Батюшка Кузовников Африкан Александрович прибыл сюда недавно, но стал уважаемым на селе человеком. Решила с ним поговорить о предстоящем событии. Слова его запали в душу:

– Живым живое. Бог создал тебя, дочь моя, не для страданий, а для радости. Живите, детей рожайте. А они будут. Бог вас наградит.

Просветлённая и счастливая, решившаяся на брак, вышла она из церкви, будто словами батюшки Иван говори с ней. Как изболелась душа по всему утраченному.

А весна чувствовалась во всём: в зелёной дымке деревьев с зарождающимися листочками, в лучах солнца, купающихся в лужах никогда не отличавшегося чистотой села, в первых цветах мать-и-мачехи, верба приворожила взгляд своими похожими на маленьких пушистых цыплят почками. Захотелось подойти к реке. Селезни выбирали себе подруг; сойки громко кричали, сустились и строили себе гнёзда.

После смерти Васютки обходила это место стороной, боясь воспоминаний. Даже стирала не у реки на мостках, как все бабы, а в бане или дома. Летом ставила вёдра у колод-

ца, вода нагревалась и в принесённом из сарая корыте стирала бельё. Вдоль берега гуляли когда-то с Иваном, а потом играла с маленькой Наташей. Она родилась 12 августа 1908 года семимесячной, слабенькой. Повитуха говорила, чтобы не привыкали к ней, вряд ли выживет. Первые месяцы у сердца держала, не отпускала, носила всегда с собой в тёплой шали, часто давала грудь, и окрепла девчушка; по совету фельдшера, много гуляли, потом закалять стали; Иван плавать учил, часто играл с ней у реки. Выросла вся в него и лицом, и характером. А Вася на мать родился похожим, здоровым, крепким...

– Тётя, а ты, правда, моей мамой будешь? – услышала она детский голос.

Оглянувшись, увидела Лизу в ватнике, в шерстяных носках на босу ногу и без платка.

– Правда, дочка, – ответила она и вдруг почувствовала, что ту нерастраченную любовь, которую она испытывала к утонувшему сыну, она теперь сможет отдать этой девочке, так рано испытавшей горечь потери матери. Река сына забрала, а дочь дала.

– Есть хочешь? Суп из сухих грибов в чугушке не остыл и оладьи со сметаной.

– Да, – радостно вскрикнула новоиспечённая дочка.

Удивил новый дом Лизу, когда она вошла сюда. Через сени, в которых даже у порога было чисто, и кухню с большой печью вошли в аккуратную горенку с запахом свежесваренной каши.

сти, обилием цветов. Пол застелен новыми пёстрыми половиками. Мебели во всех домах, где была до этого, почти не было. Железные кровати, лавки, столы. А тут и пузатая горка с красивой посудой, видневшейся из разрисованных стёкол, и такой же пузатый комод, витая этажерка с книгами на полках, стулья вместо лавок. Между двух небольших окон – стол, покрытый тонкой вязаной крючком скатертью с кистями. На комод, горку и такие же, как скатерть, салфетки. В промежутке между окнами – зеркало в раме. В углу на восточной стороне иконки с лампадкой. На комод в деревянной рамке увидела фотографию; узнала Павлу в молодой красивой и нарядной женщине, сидящей на стуле с маленьким ребёнком на коленях, рядом, положив руку ей на плечо, стоял кудрявый усатый мужчина в военной форме. Рассмотрев фото, Лиза подошла к окнам. Все три подоконника были заставлены ящиками с росточками, зеленели пёрышки лука, ветвился знакомый ей укроп.

– Вот это огурцы будут. А что это с жёлтыми цветами? – показала она на рассаду томатов.

– Это помидоры, ягоды такие кисленькие. Недавно из семечка стали выращивать. К осени вырастут. На хлеб ломтиками порежем и сахаром посыплем. Вкусно!

Паша покормила Лизу, потом повела в другую комнату, где у двух кроватей стояло много сундуков; подвела к одному из них, нашла ранее Натальину чёрную плюшевую жакетку, яркий полушалок, ношенные, но крепкие ботинки.

– Вот в это оденься, дочка, весной и не заметишь, как простудишься.

Лиза послушно надела вещи, чмокнула Пашу в щёку и выскочила со своей детской радостью на улицу. Подружки, потерявшие её, удивлённо спросили:

– А ты где была?

– Да у мамы. Позвала обедать, – ответила, словно так было ежедневно.

А Павла, проводив за дверь дочь, подумала:

– И я буду строить новое гнездо, как те сороки. Ну и пусть моложе на 10 лет, а в селе много молодых и незамужних женщин, но он меня выбрал. Кто знает, кому и сколько в небесной канцелярии отписано. Не очень-то на возраст смотрят в семье, в душу заглядывают. А детей как хочется. Может, ещё не поздно?

Было всё не так, как во время той запомнившейся Якову свадьбы. Просто повенчались в Преображенской церкви, затем расписались в Большегрязнухинском сельсовете Каменского района, устроили небольшой вечер. Паша приготовила постель далеко не такую красивую, с узорами и вышивкой, как раньше с Иваном. Всё красивое постельное бельё тоже «раскулачили» приходившие в дом с красными флагами. Но о комнате позаботилась, украсила её цветами, поставила свечи. А вот стол...

Голод, вызванный политикой военного коммунизма, в это время начался на Урале. Продразвёрстка привела к сокра-

щению посевных площадей. Приходили крестьяне из Тра-
вянского в церковь, рассказывали страшное, о трупоедстве
и каннибализме в Н. Туре, Карабаше, Красноуральском,
Троицком уездах. Голодала вся Екатеринбургская губерния,
включавшая Пермь и Курган. Более миллиона человек. Пи-
тались суррогатом, хлеб пекли из полыни, добавляли кар-
тофель, гречу, коренья. Был создан Помгол, (общественные
комитеты помощи голодающим), куда из французский Крас-
ного Креста приходили продукты.

В Большой Грязнухе, находившейся в 9 километрах от Ка-
менска, было сравнительно благополучно, многие, благо же-
лезная дорога в 2,5 километрах от села, ездили в Каменск,
Курган подработать, кто печку сложить, кто дрова пилить,
кто молочное продать, картофеля всегда было много, ово-
щей с приусадебных участков. С пшеницей вот сложнее,
а рожь и гречиха росли. И тут вспомнилась любимая се-
лянами пословица, сказанная основателем села (в 1735—
50 гг) донским казаком Карпухиным, именем которого и на-
звано село. «Делай грязь – будешь князь». Князя не кня-
зя, а в окрестностях имелась плодородная земля – черно-
зем. Всякий крестьянин понимал так: грязь эта благород-
ная: при щедром поливе жди богатого урожая. А река рядом.
Вот и трудились карпушинцы на своих участках не за страх,
а за совесть.

Натурально-потребительское хозяйство Михаила было
крепким, но и ртов много, да расщедрился и из своих за-

пасов. Напекли пирогов, мужикам – самогон, женщинам – наливка, кур не пожалели. Лето на носу – новые куры вырастут. Пельмени с редькой, грибами, квашеной капустой, рыба – пруд рядом. Лиза всё время жалась к отцу и матери, но когда ушли немногочисленные приглашённые гости из числа самых близких друзей и родственников, а молодые ушли в спальню, почувствовала себя лишней. Вышла на крыльцо посмотреть на звёзды.

– Я тоже люблю на звёзды смотреть, а ещё люблю грозу. Насмотреться не могу, даже окно открываю, – услышала голос.

– И я люблю звёзды, а грозу боюсь, – робко, дрожащим голосом пробормотала девочка.

К ней подошла Наталья, до этого вместе с Тосей убиравшая за гостями, и они долго говорили о звёздах. Наталья даже знала их названия, чем удивила сводную сестру. А потом, нежно взяв за руку, сказала:

– Ну что, сестрёнка, пойдём в нашу комнату. Она и потом рассказывала Лизе каждый вечер сказки, весёлые истории, однажды вечером они допоздна читали «Руслана и Людмилу», сохранённую при раскулачивании Натальей. И её сводная сестра стала как-то в раз самым близким ей другом. Не было того одиночества, в котором Лиза пребывала после смерти матери.

И по поводу Павлы не ошибся Михаил. Она по-матерински отнеслась к Лизе, заботилась больше, чем о Ната-

лье: ведь младше её. Яков оказался добрым, разговорчивым и ласковым. И потекла жизнь. Будни сменялись праздниками, посевные — уборками; строго держали посты, приучая и детей к ним, по воскресеньям и религиозным праздникам посещали церковь всей семьёй. В родительские дни шли на кладбище, поминали умерших родственников, не забывали навестить могилы и Ивана, отца Натальи, и Марии, матери Лизы, поздравляли с рождением детей в семьях родственников и соседей, много работали — словом, жили.

В Пасху первым гостем был священник, в миру Кузовников Африкан Александрович, который обходил все дворы в селе, поздравляя с праздником. Был вежлив и уважителен со всеми, богатыми и бедными, приносил красиво раскрашенное яйцо, в каждом, даже самом бедном доме, после приглашения садился за стол со словами «Христос воскрес», ему отвечали: «Воистину воскрес». За столом съедал ответное протянутое хозяином яйцо, но не пил и не ел, поговорив несколько минут, отправлялся в другой дом. Так навещал всех прихожан. После праздника мужики с уважением говорили о посещении батюшки и всё удивлялись, как можно съесть такое количество яиц за один день. Иной и за год не осилит.

В следующую пасху всё повторялось. «Бог милостив», — говорили бабы, но к батюшке он оказался не милостивым. В апреле 1937 года на Пасху кто-то из прихожан ударил в единственный не снятый колокол, нарушив тем самым

закон «О звоне». Священника арестовали. Как контрреволюционный элемент Кузовников Африкан Александрович в возрасте 47 лет был расстрелян 4 ноября 1937 года на Золотой Горе. Спустя 18 лет дело Кузовникова пересмотрели, и расстрел заменили... 10 годами лагерей.

Но вернёмся в 1922 год. Он оказался урожайным, продразвёрстка была заменена продналогом. Теперь крестьяне должны были отдавать определенное количество продуктов государству, стало возможным использовать наёмный труд. Дед Михаил нанял двух батраков, и Яков с Пашей тоже.

Семья жила и работала дружно, излишки можно было продавать и купить мануфактуру, приобрели швейную машинку, на которой строчила Наталья. Шила не только для семьи, но и в люди. В 23 родился сын. Яков, мечтавший о наследнике, был без ума от радости, всё свободное время пестовал его, да и все наглядеться не могли, с рук не спускали. Недолгой была радость. Как-то зашли в дом проходящие богомольцы, их покормили, дали с собой хлеба и овощей, но посещение их принесло в дом беду. Вскоре заболел тифом маленький Мишутка, нередкой тогда болезнью. Горькими слезами рыдала вся семья, а Паша винила себя: не уберегла сына. Яков успокаивал, но страдал, восточное лицо осунулось, постарел как-то сразу.

Однажды встретил Любку. Та посочувствовала и сказала, что надо забыться, посидеть с друзьями, выпить. Легче станет. Якову вроде, правда, стало легче, и ночь не была бессон-

ной, и уснул, как пришёл домой, и не видел горестное лицо жены; а она, в горе своё погружённая, как бы и не заметила, не упрекнула ни словом, ни взглядом. Так Яков снова влился в весёлую компанию. Порадовался, когда Павла понесла ребёнка, успокоился. Родилась дочь.

– Назовём Зоей, жизнь по-гречески значит, чтобы жила. Как корабль назовёшь – так и поплывёт. Древняя мудрость, – посмотрев на кроху, сказал отец семьи.

– Да, – согласилась Паша, читая молитвослов. – И в святцах это имя есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.